

Как это начиналось, или Почему сошлись пути человека и собаки.

Человека с давних пор необычайно интересует вопрос, как, когда, почему и зачем возникло все вокруг. Но главное, что волнует его, — как возник род людской. А может, пытаясь выяснить это, он все еще не теряет надежды заглянуть вперед; а чем этот род кончит?

Человека с давних пор необычайно интересует вопрос, как, когда, почему и зачем возникло все вокруг. Но главное, что волнует его, — как возник род людской. А может, пытаясь выяснить это, он все еще не теряет надежды заглянуть вперед; а чем этот род кончит?

Человека, наоборот, вечно мучит сознание неизбежного конца. И ведет он себя соответственно. Он придумал себе религию, печется о загробной жизни (не подозревая, что это-парадокс: какая еще там жизнь после смерти?!), возводит то гробницы, то пирамиды. А собака хоть и крутится оживленно вокруг тех, кто их строит, но, когда все бывает завершено, может, ничтоже сумняшеся, задрать лапку на уголок пирамиды и окропить его в полной уверенности, что поступает исключительно правильно.

Кто из них прав, пусть рассудит наш любезный читатель.

Вопреки тому, что собака и человек — существа совсем разные, по некоей странной логике истории они пошли когда-то рядом, и ныне порознь их уже невозможно себе представить. Чем глубже проникаем мы в прошлое, тем яснее осознаем, что взаимная приязнь человека и собаки уходит во тьму веков. Столетия тут ничто, тысячелетия — краткий миг. Мы говорим, что человек и собака шагают бок о бок по земле уже десятки тысяч лет, а такого без веских причин не бывает.

Мы, люди, приступим к решению этого вопроса архинаучно, а собака пускай поглядывает на нас с тихой мудростью и некоей деликатной снисходительностью (давая таким образом нам понять, что она-то считает наше занятие чистой нелепицей!), мы же ринемся в хаос теорий о вековых взаимоотношениях человека и собаки в надежде создать еще одну теорию, до сих пор неизвестную. Чтобы методы наши были строго научны, опорой нам будут институты, академии и всяческие научные общества, и это укрепит нашу уверенность, что в своем поиске мы не ошиблись, хотя именно институты, академии и всяческие научные общества живут большей частью тем, что деятельно доказывают. как уважаемый академик Такой-то заблуждается, полагая, что прав академик Имярек, в то время как академик Эдакий опровергает и того, и другого...

А ты, песик, сиди себе спокойно, скреби за ушами и не мешай мне. Вот придумаю еще одну теорию и тоже, может быть, стану потом чесать в затылке. И да будет тебе известно, что, опираясь на множество других мнений, я пришел к убеждению, что все начиналось именно так...

Древний человек охотился стаяй, иначе он не имел ни малейшего шанса хоть что-нибудь поймать. Из всех животных человек был хуже всех подготовлен к жизни. Он очень долго преследовал зверя, бегал за ним, пытаясь выследить и настичь, разыскивал тропки, броды, водопой и те места, где укрывался; а часто человек просто-напросто ждал подходящего случая, чтобы зверя убить и съесть. Факт этот, естественно, не делает большой чести роду людскому, но в защиту его надо признать, что иначе не выживешь. Ведь мудрая природа — не благодетельница, не ласковая праматерь, а суровая школа убийства.

Человек-охотник не был так быстроног, как хищник, не обладал ни слухом его, ни обонянием,

ни зрением и в окружающем лихом мире слыл, пожалуй, эдаким недотепой и размазней: он подолгу спал и нехотя просыпался. К тому же следом за ним тащилась та часть человеческого стада, которая была еще менее подвижна, чем он сам, женщины с детьми и прочие родственнички и, конечно же, старики. О верховном руководстве мы уж и не говорим, эти вообще ничего не ловили, но зато вечерами у костра предсказывали иногда удачную охоту на завтра или пели песню про то, как отважный охотник (это каждый мог принять на свой счет) убил прекрасного оленя с тучными окороками. От первых пошли шаманы и незаменимое начальство, от вторых — барды и писатели.

Короче, человек-добытчик имел лишь заботы, издержки и неприятности и только одно-единственное преимущество: совсем иные, чем у прочих представителей животного мира, верхние конечности. Комичное отклонение от нормы: большой палец, хотя и был в одном ряду с остальными пальцами, обладал способностью становиться перпендикулярно по отношению к другим, а это значит, что существо, которое через каких-нибудь сто тысяч лет получит право украсить себя титулом хомо сапиенс, то есть человек разумный, могло схватить рукой любой предмет и крепко сжать в кулаке. Палку, скажем, или камень.

И тогда человек стал задумываться; что же, собственно, такое он держит в руке и зачем. Короче, он так напрягал мозги, что трещала голова, и вот в один прекрасный день надумал: если к силе дубинки он присовокупит силу камня, присоединив к палке заостренный кремнь, то получит орудие, необычайно увеличивающее его собственную силу, — каменный топор.

Супротив медведя человек был до смешного слаб, но, вооружившись каменным топором, при некоторой отваге и в случае крайней нужды мог медведя и убить. Ого, вот так открытие! Ибо теперь человек уже сделал шаг по пути покорения природы, а также нынешних экологических катастроф. Впрочем, вернемся-ка лучше к началу этой головокружительной перспективы. Человек как был, так и остался слабым, но научился свою слабость скрывать, пуская в ход орудия, а некоторую тупость восприятия восполнял остротой мышления. Затравить оленя он не мог, зато мог выкопать кремневым топором яму, забросать ее ветвями и дожидаться, когда олени побегут здесь на водопой.

До такого ни одно нормальное животное (например, собака) не додумается

Итак, человек преследовал зверя и таскал домой куски кровоточащего мяса, и случалось, что те небольшие животные, которые по ночам протяжно выли или коротко таякали, бежали следом за ним, слизывая капли крови и подъедавая остатки, валявшиеся на том месте, где охотник прикончил зверя. Прежде всего здесь оставались крупные кости, потому что тогда человек их с собой не уносил, как и внутренности, которые роду человеческому долго приходились не по вкусу. Еще герои Гомера лакомились окороками и костным мозгом, но никогда кишками или почками!

Короче, та животины, коя еще никак не называлась, но из которой со временем получилась собака, так и таскалась за человеком, хотя он то и дело прогонял ее, потому что нет на свете создания более жадного и нетерпимого, нежели хомо сапиенс! Человек разумный враждовал со всеми, и с собаками тоже — а те ровным счетом ничего от него не хотели, только пожирали отбросы, которые все равно растащили бы другие хищники, — и обрушивал на них град камней. Мы уже говорили, что от природы человек отнюдь не был таким уж глупым, но ему долго приходилось раскачиваться, прежде чем он заставлял себя как следует пошевелить мозгами. Следует отметить, что такое случается кое с кем и поныне. Дело кончилось тем, что с собаками (не лучше ли их называть прасобаками?) ему пришлось-таки примириться. Собаки шли следом за ним целый день и даже возвращались к его стоянкам, ведь от добычи оставалось еще много костей, человек их здесь выбрасывал, а собакам только того и нужно было.

Еще одно открытие помогло человеку стать из обычного животного хомо сапиенс: он познал огонь. Жареное мясо понравилось не только ему одному, но и некоторым зверям, и в первую очередь собакам. Кость, побывавшая на огне и еще теплая, становилась хрупкой и, хотя царь природы высосал из нее столько мозга, сколько сумел, была собаке по вкусу, да и по зубам, легко поддаваясь ее сильным челюстям. Ведь у человека челюсти не такие крепкие, как у собаки или волка. Итак, по вечерам на стоянке человека у костра раздавались чавканье и сладостное кряхтенье, ворчливое бормотание шаманов, слышались голоса доморощенных певцов, детский плач и болтовня женщин, а в окружающей тьме стоял хруст и яростное рычание, ибо от общения с человеком собаки стали обидчивы и злобно кидались на каждого, кто посягал на их кость.

Хорошо нам вести речь о далеком прошлом, жаль, однако, что мы не способны в достаточной степени оценить ту роль, которую оно сыграло в истории человечества. Сколько лет, сколько десятилетий или столетий должно было пройти, чтобы изменилось хоть что-нибудь в рутине привычного течения жизни! Пусть не повсюду, пусть хоть где-то. Лук изобрело не все человечество и не сразу; прошло, видимо, страшно много времени, пока где-то кто-то не обнаружил, что гибкая ветка обладает неким свойством — тем, что мы сегодня называем упругостью, — которое можно использовать, оторвав ветку от дерева и снабдив тетивой из тонких жил. И при этом лук можно носить с собой. Вероятно, додумался до этого некий выдающийся гений, какой-нибудь доисторический Эйнштейн, а ведь все так просто! Главное — каждый может повторить. Придумать лук — на это ушли, видимо, тысячелетия, а сделать лук наподобие того, что имеется у соседа, оказалось делом нескольких часов. Великие открытия совершались людьми довольно медленно, зато распространялись они молниеносно.

Кто из охотников остановился однажды и указал в сторону животных, к которым все давно привыкли, тех, что неотступно следовали за людьми? Кто гортанными криками привлёк внимание сотоварищей к собакам, объяснив, что они бегут не только по их следам, но также по следу зверя?!

— О люди! — возопил тот первобытный человек. — Вы только гляньте на этих тварей! Как они приникают мордами к земле! Спорю на что угодно, они чуют оленя лучше, чем мы! Ведь они мчатся туда, откуда доносится запах стада! А ну, ребята, скорее за ними! Они приведут нас к цели! А если кто кинет в собаку камень, схлопочет по зубам! О люди! Делайте все, чтобы собака всегда была с нами! Кормите на стоянке! Да пусть собаки привыкнут к нам, а утром снова ведут по следу оленя!

Вот так и произошло это чудо. Собаки и люди стали жить вместе, собак отлавливали и приручали, щенятам уже не приходилось скулить где-то в кустах, теперь они скулили вместе с человеческими детенышами на стойбище, запах собаки больше не казался людям мерзким, скорее наоборот. Охотник гордился, если владел двумя-тремя псами, которые повсюду сопровождали его; он сам принаравливался теперь к ним, особенно если те хорошо выслеживали зверя, загоняли его и, более того (а тем временем прошло столетие-другое), приносили добычу, потому что, когда убитый зверь попадал в топь или в воду, вытащить его могла одна лишь собака, ведь тогда человек еще не умел плавать.

Вот так, скажем мы, и родилась дружба человека и собаки.

Хвала тебе, природа, аминь